

18+

Андрей ИГНАТЬЕВ

**Вся правда
о Футтауне,
штат Нью-Йорк**

Андрей Игнатъев

**Вся правда о Футтауне,
штат Нью-Йорк**

«Издательские решения»

Игнатъев А.

Вся правда о Футтауне, штат Нью-Йорк / А. Игнатъев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532892-2

Она спросила:— А кто вы, собственно, такие?— Мы туристы, — буднично ответил Спенсер, — путешествуем по Соединенным Штатам.— И как же вас занесло в Футтаун? — удивилась девушка.— Нам сказали, что это неплохое место для туризма! Все наигранное медленно сползло с миловидного лица незнакомки. Теперь там читался один вопрос: что это за придурки?— Вас обманули! — крикнула она, дала по газам, и машина, рывкнув глушителем, умчалась.

ISBN 978-5-00-532892-2

© Игнатъев А.
© Издательские решения

Вся правда о Футтауне, штат Нью-Йорк

Андрей Игнатъев

© Андрей Игнатъев, 2021

ISBN 978-5-0053-2892-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Андрей Игнатъев

ВСЯ ПРАВДА О ФУТТАУНЕ, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

***

Толстая латиноамериканка за стойкой администратора смотрела то в монитор, то в мой паспорт, в конце концов, перевела взгляд на меня и сказала:

– На ваше имя ничего нет.

– Не может быть, – не согласился я, – номер забронирован агентством Хаттимил. Проверьте еще раз.

Она снова нырнула в экран, через минуту вынырнула и заявила окончательно:

– Ничего нет! Извините.

Холодный молоток постукивал за грудной клеткой.

– Хорошо, – сказал я, – я возьму другой номер, сколько это будет стоить?

– Мест нет, – ответила женщина, разглядывая меня с естествоиспытательским интересом. «Спокойно, – убеждал я себя, – в крайнем случае, смогу переночевать на вокзале».

– Не сможете, – разубедила латиноамериканка, когда я поделился с ней своей идеей, – это вокзал, там нельзя ночевать.

И дебелая рука протянула назад мой паспорт с одной-единственной визой. Я вышел на улицу, которая оглушала своей жизнью: на перебой сигналили желтые кэбы в пробках, стены зданий угрожающе нависали над головой, бесконечный поток людей протекал мимо. А я один, в чужой стране. Что теперь будет?

В кармане лежала инструкция из агентства, я развернул ее и все перепроверил. Имя и фамилия, дата заезда – совпадают. Тогда какого?

Офис Хаттимил размещался в том же здании, что и гостиница, только вход с другой стороны. Инструкция предписывала обращаться туда, если будут проблемы. Добравшись до конца высокой стены цвета бесконечной пустыни, я завернул за угол.

Поблекшая бумажка с оттопыренным уголком, приклеенная к деревянной двери одного из кабинетов, подтверждала, что место правильное. Только дверь была запрета. Чернокожий уборщик орудовал шваброй неподалеку.

– Извините, вы не подскажете, как они работают?

– Ни разу не видел, чтобы туда вообще заходили люди, – угрюмо пробормотал он, продолжая надраивать лестничную площадку.

«Меня кинули, – это первое, что пришло на ум, – деньги забрали, отправили. А жилья нет и работы тоже – сколько таких историй?» Тревога, зародившаяся где-то внутри, мгновенно расплзлась по всему телу и достигла кончиков пальцев. Зловещие мысли птицами забились в голову. Меня бросило в жар, я приложил ко лбу ладонь, она была ледяной и взмокшей. Все. Допрыгался. Приплыли.

Выскочил обратно на улицу. Дорога шумела, люди шли, город по-прежнему кипел. Смеркалось. Местные гопники подозрительно косились. Здесь они поменяли стрижку,

одежду, походку, – шагали вразвалочку нестройными рядами по пять-семь человек, – даже цвет кожи, но взгляд все тот же, он-то их и выдавал: рыскающий, оценивающий, недобрый.

Вернувшись к парадному входу, я прошмыгнул в холл.

– Что мне делать? – пристал к худощавому парню, одному из сотрудников негостеприимного отеля.

– Найдите другое место, – предложил он.

– Как?

Он посмотрел на меня рассеянно и обреченно. Отвернулся и зашагал прочь.

– Пожалуйста, пожалуйста, – я увязался следом. – Я первый раз в этой стране, мне очень нужна помощь!

Мы дошагали до стойки, к которой был прикреплен служебный компьютер, парень встал за него, зашумел принтер и через какое-то время показал язык со списком нью-йоркских гостиниц.

– Вот, – сказал парень, – по любому из этих адресов вас могут разместить на ночь.

– Хорошо, – кивнул я, изучая распечатку (список, слава богу, был внушительным). – Но на улице уже вечер, я дойду до первого адреса, там тоже не будет свободных мест, потом до второго, и там не будет – так и ночь наступит! – иностранные предложения давались мне все легче.

– Вон там у нас телефон для постояльцев, позвоните и узнайте, примут ли вас.

Телефон был недалеко, висел на стене, свободный. Я сбегал до него, но через несколько минут вернулся.

– Тут, – трясущейся рукой я передал парню телефонную карточку, – пять минут, связаться с родителями и сообщить: у меня все в порядке. Я готов потратить это время, но ни черта не пойму, как им воспользоваться?

Парень пожал плечами.

– Пожалуйста, – умолял я, – позвоните, узнайте.

Он позвонил. Обвел ручкой название Ost Harlem Hostel на распечатке, сказал, что мне туда, что ночь будет стоить 30\$ и добраться можно пешком (шариковая ручка провела на листке неровную торопливую схему).

– Спасибо, – сказал я ему, – спасибо.

И отправился на поиски.

За первым же поворотом со мной поравнялась полицейская машина. Она долгое время пристально ползла сбоку, и мне померещилось, будто они за мной. Я хотел прибавить шаг, но потом прикинул: «А что, переночевать в участке – тоже вариант!» Только копы, как будто прочитав мои мысли, поддали газу и вскоре сгинули.

Ost Harlem Hostel действительно располагался недалеко, и добрался я быстро. Улица, ведущая к нему, была узкой и тихой. Администратор – мужчина успокоительно интеллигентного вида (средних лет, в очках, с усами) – благополучно обменял мои тридцать баксов на ключ от номера в третьем этаже. Поднимаясь по лестнице, я старался отогнать неприятные мысли о том, как только что остался без половины имеющихся у меня денег. Вместо этого я воображал, как еще немного и приземлюсь в просторную мягкую кровать, включу ящик, попью пива из мини-бара, посплю, наконец. А уж потом все хорошенько обдумаю.

Небольшой серебристый ключ никак не хотел вставать в замочную скважину. Вдруг послышались звуки приближающихся шагов... из моего номера. Ручка опустилась вниз, дверь распахнулась. Передо мной возник человек:

– Хай, – сказал щетинистый старичок, обдав меня волной перегара.

– Хай, – вывалилось из меня.

Мужчина отошел, я шагнул внутрь. В небольшой темной комнате вдоль голых стен были расставлены двухъярусные нары. Из маленького окошка под потолком еле сочился свет. На полу были разбросаны чьи-то вещи.

– Кажется, там свободно, – указал старик на одну из верхних коек.

– Спасибо.

Я закинул на матрас рюкзак, сумку, поднялся сам, подобрал под голову подушку и зажмурился, что было силы. Прележал так минуты две. Ни разу не уснул, конечно. Старичок так и стоял внизу, смотрел на меня с любопытством. Я спустился, завязалась беседа:

– Откуда ты? Ого! Мой дед был из Беларуси! Кажется, это где-то у вас? Тут спят англичане, там – студент из Японии. Они сейчас на бейсбольном матче... – и все в таком духе. Бла-бла-бла.

Позже я разведаль на этаже телефонный аппарат, позвонил домой и Лине – оказалось, сделать это не так уж и сложно. Сказал, что все у меня хорошо, сходил в душ, потом лег спать. Ночью я слышал, как возвращались соседи, как кашляла какая-то женщина за стеной, а когда увидел, что за окном светает, сдал ключи и покинул эту ночлежку.

***

На улице было свежо и на удивление пустынно, дружелюбно шелестели деревья. По красной кирпичной стене с белой оплеткой углов карабкалась вверх упитанная серая белка. Утренний Нью-Йорк навевал умиротворение. «Так, – сказал я себе, – с сегодняшнего дня все пойдет как надо!» – и твердой поступью двинулся по тротуару. Через некоторое время очутился на перекрестке, по которому пересекали многочисленные такси. Я поднял руку, и одна из машин молниеносно примкнула к обочине. Чернокожий шофер живо скидал мое добро в багажник (отрабатывает чаевые – понял я) и поинтересовался:

– Куда?

– Центральный автовокзал.

Мы сели и поехали. На водителе была большая клетчатая кепка поверх коротко стриженной головы, черная кожа блестела, высвечивая глубокие поры. Остановившись на светофоре, он неизменно барабанил пальцами по рулю, иногда пригибался вперед или смотрел по сторонам и протяжно бормотал оттопыренными губами:

– O'key... What's wrong?.. Go on, buddy...

Из динамиков звучала песня, за окнами потягивался Нью-Йорк, а я все чаще перечитывал памятку Хаттимил, плотно прижатую к коленям.

Вокзал был грандиозный многоуровневый комплекс, с выходом к метро, с паноптикумом ресторанчиков и торговых лавок, потолок и стены горели электронными табло. Здесь мне как можно скорее следовало связаться с работодателем, поставить в известность, что ближайшим рейсом выезжаю. Меня снова поглотило волнение, я представил, что никакого работодателя нет, и скоро я останусь один на один со своими проблемами в этом муравейнике, за десять тысяч километров от дома. Подумалось, что сгинуть здесь ничего не стоит, просто пропасть, стать незначущей частичкой в броуновском хаосе. К счастью, моего звонка ждали. Приободренный мужской голос пообещал, что встретят в Футтауне.

Насилу отыскав кассы, я купил билет. Автобусы отходили прямо отсюда, из самого здания вокзала. Пассажиры ожидали на скамьях у раздвижных дверей, до поры до времени наглухо закрытых. Я нашел gates, номер которых совпадал с указанными в моем билете, и уселся на скамейку ждать. Несмотря на утренний час, все люди вокруг что-нибудь жевали: гамбургеры, хот-доги, пиццу. Я только сейчас ощутил, как сильно проголодался сам – желудок стянуло в тугую спираль, в животе было пусто и тесно. Часы показывали 6:40 – перекусить

успею. Я сходил до ближайшей лавки, купил пакетик чипсов и бутылку колы. Разорвал надутую упаковку и разом всыпал в себя все ломтики хрустящей картошки. Открыл газировку, сделал первый глоток и уже не смог оторваться, пока не опустошил всю. Во рту поселился вязкий привкус, который хотелось поскорее запить. Эх, надо было быть умнее и брать обычную воду. Хоть она и стоила чуть дороже, а я уже потратился на такси, сколько там у меня осталось? как быстро улетучиваются деньги...

Пока я сводил в уме ведомости расходов, у ворот возникли две женщины. В причудливых дачных одеждах, с набухшими полипропиленовыми сумками, они беспокойно семенили по площадке, озабоченно охали и растерянно озирались. В момент, когда я услышал, что они говорят по-русски, пространство вокруг исказилось: стали изгибаться стены, витрины, информационные дисплеи, – константы реальности отдали швартовые и пустились в плавание к новым берегам. Нет, женщин я видел и слышал четко, но все остальное – люди, звуки – вдруг стало размытым фоном с едва различимыми деталями. «Вот это да, – подумал я, – второй день в Нью-Йорке и уже встретил русских!»

Вскоре одна из пришлиц стремительно зашагала в мою сторону, с шумом ухнула на скамью набитый вещами баул и громогласно произнесла:

– Ты посмотри – расселся! Как будто один тут! – Обтерла лоб освободившейся рукой.

Я поспешил подвинуться, уступить место. Подоспела вторая женщина. Сумку переставили на пол. С хлопотами обе устроились рядом.

– Фу-у-у, – сказала первая из подошедших, – духотища...

– Простите, – обратился я к ним, все еще пребывая в каком-то робком восторге, – а вы из России?

Женщины посмотрели на меня:

– Да.

– А что вы тут делаете?

– Живем, – явно удивленные таким вопросом ответили они.

– На Брайтоне?

– Нет.

– Странно...

– Почему?

– Я думал, что большинство русских живет там.

– Не-е-е-т, милый мой, – снисходительно заотрицала старшая из женщин, – там сплошь живут одесские евреи. Просто они – русскоговорящие.

Вскоре я полностью пришел в себя. Женщины, мать и дочь, жили в Америке уже семь лет. Сейчас ехали в Монтиселло – большая часть их маршрута совпадала с моим. Они собирались подыскать место для отдыха всей семьей. Я рассказал, что направляюсь в детский лагерь, буду там maintenance. Они ответили – это чудесно, что студенты из России могут вот так легко прилетать в Америку поработать на лето. Ворота распахнулись, подали автобус – торжественный, огромный, блестящий. Мы расселись небольшой диаспорой в первых рядах. Женщины жаловались, что все в Америке безумно дорого и продолжает дорожать, и что в России жизнь, конечно же, проще:

– У нас говорят, что рубль скоро станет дороже доллара! – сказала одна из спутниц.

– Да, – подтвердила другая, – все благодаря нефти!

– Не слышал о таком, – признался я. – До нас, наверное, еще не дошло.

В голове промелькнуло – лишь бы ни этим летом.

Женщины называли американцев «они», сказали, что русских в Штатах – прорва, что я смелый человек, раз решился на такое приключение. К сожалению, в Монтиселло нам пришлось распрощаться, женщины направились в город, а я пересел на другой автобус.

***

Сошел в Футтауне. Здесь, вдали от пыльного Нью-Йорка, было облачно, и накрапывал мелкий дождь. На остановке стояла женщина средних лет.

– Ха-ай! – поздоровалась она. – Андрей?

– Да, – ответил я, – здравствуйте!

– Очень приятно, я – Бекка. Как добрался? Были проблемы?

– Нет, добрался хорошо, спасибо.

Бекка Кларк была дочерью владельцев лагеря. В преддверье сезона она занималась организационными вопросами и переписывалась с будущим персоналом по электронной почте. Не то, чтобы я рисовал ее голливудской звездой, просто не такой: бесформенной и пресной. Немолодое лицо с россыпью бледных веснушек, растрепанные рыжеватые волосы. Прядки покачивались на ветру, колыхалась не застегнутыми полами желтая дождевая куртка.

– Это весь твой багаж? – спросила Бекка, разглядывая мою сумку.

– Да.

– Да ты путешествуешь налегке! Ну что, поедем? – она немного развернулась, направив открытую ладонь в сторону припаркованного неподалеку автомобиля – красного пикапа, по лакированному кузову которого сползали наискосок неторопливые прозрачные улитки.

– Да, – сказал я, – конечно.

Мы сели в автомобиль, дождавшись, когда я пристегну ремень, Бекка запустила двигатель.

Вскоре Футтаун растворился сзади – крохотный провинциальный городок с аккуратными домами, словно вырезанными из цветного картона. Впереди показались горы, укутанные в зеленый лес, почти сплошной, только изредка к дороге подбирались территории частных дворов и сельскохозяйственных угодий. Лес был сказочен и жив. В ветвях деревьев перелетали необычные, невиданные мной птицы, на опушках встречались табунки косуль – они паслись недалеко от трассы, ничуть не пугаясь шума автомобилей, проносившихся на большой скорости мимо.

– У вас чудесная природа, – сказал я.

Бекка легко засмеялась, как будто шутке. То ли я ляпнул что-то не то, то ли она меня не поняла – не знаю. С хайвея свернули где-то через четверть часа, метров двести прокатились по грунтовке. Остановились. Бекка вышла, и я счел нужным последовать ее примеру.

– Добро пожаловать в лагерь «Склон Кэсинга»! – отчеканила она приветствие, начертанное на щите, укрепленном рядом с дорогой. Обвела счастливым взглядом окрестность и глубоко вдохнула, так, будто тысячу лет не бывала в этих местах.

Вот я и достиг цели. В воздухе почему-то пахло навозом.

Впереди, на холме, высился дом, слева и справа от него тянулись полосы лиственного леса. На покато́й, открытой местности посреди ровно остриженной травы, были расставлены однотипные коричневые домики с синими крышами. Бросилось в глаза, что они возведены не на фундаментах, а на деревянных сваях, и несколько возвышаются над землей. Тут же взгляд выхватил еще более поразительную картину – загон, в котором прогуливались страусы. Страусы в детском лагере – вот это да! Черные, длинношеие, они грациозно вышагивали вдоль забора. Вдруг из левого перелеска выехала необычная машинка цвета хаки.

– Эй, ребята! – закричала Бекка в ее сторону и начала семафорить руками.

Машинка свернула с курса и довольно резво покати́лась в нашу сторону.

– Это Спенсер, – Бекка показала на бугая, сидевшего за рулем. Из-под туго натянутой перевернутой бейсболки выбивались черные завитки. На широком сосредоточенном лице хмурились хвойные брови. – Он из Канады. А это Робби, – представила Бекка пассажира, головной убор которому заменяла копна длинных рыжих волос – спутавшаяся обмотка соленоида,

не иначе. – Не волнуйся, если не будешь понимать его первое время, мы и сами не понимаем половины того, что он говорит: Робби – шотландец.

Робби что-то протестно заверещал с невообразимым фыркающе-шипящим акцентом – треск старого радиоприемника, который никак не может настроиться на нужную волну. Бекка добродушно рассмеялась:

– Я же говорю!

– Приятно познакомиться, – сказал я парням.

Оба были в водонепроницаемых штормовках и резиновых сапогах с комьями налипшей грязи, – почва была влажной, шли долгие дожди или снег сошел не так давно? Транспортное средство, в котором они находились, больше всего напоминало гольф-машину: открытая двухместная кабинка с крышей, плюс небольшой кузов. Только надпись на бортах 4x4, воинственный окрас и большие колеса с претензией на повышенную проходимость выдавали в автомобиле зверя другой породы. В России таких я не видел, вероятно, это ответ их фермеров нашему мотоциклу с коляской.

– Эти двое здесь уже неделю, – сказала Бекка, когда мы уселись обратно в пикап, – а завтра приедут девочки: Сюзан и Хезер, они из Канады и обе уже работали у нас, Сюзан прошлым летом, а Хезер два года тому назад.

– Должно быть, они хорошо провели здесь время, раз решили вернуться?

– О, да! Прошлым летом Хезер была вожатой в другом лагере, и на этот раз ей было из чего выбирать. Она, конечно же, выбрала «Склон Кэсинга»!

Мы припарковались перед опущенными ставнями гаражных ворот, подошли к особняку, около которого стояли еще два японских внедорожника, совсем новых. На машинах они не экономят, – подумал я, – наверное, это к лучшему, что у них водятся деньги. Взобравшись на террасу, увешанную цветущими горшками, я осмотрел дом. Стены были обшиты гладкими дощечками, уложенными внахлест, однотонно выкрашенными в светло-серый. Бекка потянула за дверь, и та, звякнув колокольчиком, отворилась.

Гостиная была просторна, но в обстановке по-прежнему чувствовался недостаток. В середине зала стоял кожаный диван с уложенными на краях подушками, к дивану пододвинут деревянный стол с бронзовой статуэткой оленя и желтой вазой, в которой покоился букет засохших цветов. На придиванном столике сбоку водружалась массивная белая лампа. Вдоль стен были расставлены кресла с бордовой обивкой. Справа уходила вверх маршевая лестница с лакированными перилами. На окнах висели тюль и узкие полоски ламбрекенов вместо штор. Но внутри все равно было довольно сумрачно. Гостиная вообще имела вид необжитой, музейный, как будто здесь нечасто появлялись люди. Вот и сейчас никого не было.

Мы проследовали на кухню и там застали мистера и миссис Кларк – Джона и Марту. Марта невысокого роста, дебилая, с короткой мальчишеской прической. Джон – директор лагеря – наоборот, рослый, подтянутый, с опрятной седой бородкой и такими же седыми волосами, с частыми переборками неглубоких морщин на загорелом мужественном лице.

– Рады, что ты прибыл! – сказал Джон. – Хорошо добрался?

– Да, – ответил я.

– Хочешь поспать?

– Нет.

– Перекусить?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Скоро обед, поедим все вместе. Сейчас можешь оставить свои вещи и переодеться – осмотрим лагерь.

– Хорошо, – согласился я.

Бекка повела меня на второй этаж. Коридор был светлым, длинным, тихим. Я с облегчением подумал, что вот, наконец-то, мои приключения и окончились, все более-менее определилось. Мы встали у одной из дверей, Бекка приоткрыла ее и сказала:

– Здесь вы и будете жить с ребятами, пока не откроется лагерь. – И оставила меня одного, переодеться.

Крыша дома Кларков была причудливой формы, которую задавали несколько выдающихся мансард. В одной из них нас и поселили. Под косым потолком небольшой комнаты были расставлены четыре кровати, две из них заняли Спенсер и Робби, о чем недвусмысленно сообщали небрежно заправленные покрывала и сгрудившиеся под постелями кучи скомканной одежды. На дальней стене белела дверь, за которой небольшой коридорчик вел к балкону с металлической лестницей, спускающейся вниз с наружной стороны дома. Когда все лягут спать, по ней можно незаметно прокрасться на улицу и изучать этот далекий мир, пропитанный ночью. Только дверь была заперта. Может быть, поэтому рождались такие мысли?

Из свободных полуторок я выбрал ту, что располагалась ближе к окну. Сбросил на нее свой рюкзак, быстро переделся и снова вышел к Бекке. В прихожей дома мы отыскиали для меня оранжевый, люминесцентно-яркий дождевик, пропахший Кэсингвским воздухом, и резиновые сапоги.

Джон уже ждал снаружи. Убедившись, что я полностью экипирован, он позвал меня в очередную гольф-машину, на этот раз почти однотонную, синюю.

– У тебя есть водительское удостоверение? – спросил он, когда мы тронулись.

– Нет.

Он немного помолчал, потом сказал:

– Большинство ребят, приезжающих сюда, водят машины, но для этой, – Джон ударил ребром ладони по ободку руля, – права не нужны. Мы зовем ее рейнджер. Вы, maintenance, будете ездить на таких, и позже я расскажу тебе, как ими пользоваться – это не сложно. Всего вас будет четверо. И это будет поистине интернациональная команда! Кроме тебя в нее войдут парень из Мексики, парень из Канады и парень из Голландии – Макс, который раньше работал у нас вожатым, но теперь мы предложили ему стать начальником maintenance, и он не отказал.

Джон говорил очень медленно, явно делая скидку на то, что я из другой страны.

– А как же Спенсер с Робби? – спросил я.

– Ты их уже видел? Они не maintenance, они – вожатые, и приступят к своим обязанностям, как только появятся дети. Сейчас они участвуют в благоустройстве лагеря лишь потому, что у них была возможность приехать заранее, ведь работы так много! И поэтому мы очень рады, что ты тоже смог присоединиться к нам уже сейчас.

Рейнджер потряхивало на кочках, его высокие, пружинистые сиденья подбрасывали меня влево-вправо и вверх. По комфорту он был кабиной зилка, несущегося по колхозному полю. Джон проводил экскурсию, как это показывают в фильмах про национальные парки. Размах соответствовал, да и страусы, опять же, держали колорит. Архипелаг тесовых домиков в одной части лагеря составлял поселение мальчиков, в противоположной – девочек.

– Видишь тот дом дальше? – спросил Джон, указывая в сторону второго особняка, расположенного ближе к подножью.

– Да.

– Там живет мой сын Ллойд со своей семьей – женой Идэн и сынишкой Кодди.

– Вот как? О'кей, – понимающе кивнул я.

Мы проехали какие-то склады, гаражи для техники, здания, где размещались секции для детей. Самая большая постройка объединяла под своей зеленой крышей конюшни, мастерскую и, если я правильно понял, сеновал. Склон Кэсинга занимал огромную территорию. В лагере были бассейн, средних размеров озеро, теннисные корты, баскетбольная площадка и футбольные поля, картинг, башня для скалолазания – да еще много чего!

– У вас так много страусов, – сказал я, когда мы миновали один из загонов, – должно быть, дети их очень любят?

– О, да, – сказал Джон горделиво, – мы разводим их ради яиц. Мы продаем их в рестораны соседних городов. Я же рассказывал тебе об этом, когда мы созванивались?

– Наверное, – сказал я неуверенно. Я помнил лишь одно упоминание о местной фауне в нашем телефонном разговоре: Джон предупреждал, что «Склон Кэсинга» окружен лесом, в котором обитает множество диких животных: скунсы, койоты, однажды заходил медведь... «Ничего, ничего, – отвечал я, – я очень люблю животных», – помню, тогда я здорово повеселил Джона.

В конце осмотра он остановился у домика, на крыльце которого Робби со Спенсером перекрашивали белой краской старые деревянные кресла.

– Найдется еще одна кисточка? – спросил Джон.

– Конечно! – ответил Спенсер.

– Хорошо. Андрей, ты можешь к ним присоединиться.

– О'кей.

Я прыгнул с рэйнджера. Взбежал на крыльцо по неожиданно хлипким ступеням. Спенсер протянул мне широкую кисть. Я взял ее, посмотрел на Джона. Он улыбнулся и кивнул. Удачи.

– Не лучшая погодка для покраски, а? – спросил я Робби, малявившего рядом.

– Пожалуй, – ответил он.

– Красите прямо поверх старой краски, не счищаете ее?

– Нет нужды.

– Понятно. Так ты из Шотландии?

– Ага.

– А из какого города?

– Из Глазго.

– Болеешь за Селтик или Рэйнджерс?

– Ни за кого не болею, не увлекаюсь футболом. А ты, стало быть, из России?

– Ну да.

– Агент КГБ?

– Конечно, – сказал я со смущенной ухмылкой.

Во время работы Спенсер и Робби все больше болтали между собой. Сначала я прислушивался к ним, но они говорили слишком быстро – все слова были размазанные, речь казалась какой-то нечленораздельной. И я сосредоточился на работе. Кисточка легко следовала движениям руки. Я ходил вокруг кресла, закрашивая новые и новые участки. Вдруг крупная капля сорвалась вниз и расплылась ярким пятном по коричневому полу. Я невольно выругался:

– Вот, черт! – и эта короткая фраза, произнесенная на русском языке, странным образом резанула слух, собственный голос показался чужим, металлическим, незнакомым. Я тут же почувствовал, что мир вокруг опять деформируется, как тогда на вокзале – очень необычное ощущение. Все вдруг стало ненастоящим, мощный поток пронес меня по коридору времени и бережно усадил на мягкий диван в знакомой старой квартире. Все, что секунду назад составляло мою действительность, стало лишь картинкой на горящем выпуклом экране телевизора.

Эффект продлился несколько секунд, и вскоре все вернулось обратно. Но трюк мне понравился, поэтому, выждав какое-то время, я чертыхнулся опять – все повторилось: одно мгновение и ты – лишь сторонний наблюдатель своих заграничных походов. Но на третий раз фокус не сработал, магия развеялась, да и парни стали коситься то ли с любопытством, то ли с подозрением на психическую неблагонадежность...

Оттерев пятно, я подумал, что надо быть аккуратнее впредь, и снова взялся за работу. Когда история выдавшего вида кресла была переписана набело, я, спросившись у ребят, заглянул в домик.

На покрытом пылью полу валялся мусор, забытый, видимо, последней сменой: бумаги, фантики, колпачки от ручек. Помещение было устроено без излишеств, если не сказать, что с минимумом комфорта: узкие двухъярусные кровати, сколоченные, кажется, во времена первых переселенцев, матрасы в ржавых разводах, небольшие темно-зеленые стеллажи. Потолок был лишь над туалетом и душем, образуя там маленький чердак. Туалет отгораживался от жилой части простой деревянно-стружечной плитой. Оконные рамы нуждались в ремонте. В них сквозил ветер, и выгоревшие занавески мерно дышали. Шторка душевой кабины была покрыта грибком. С трудом верилось, что в таких спартанских условиях будут жить люди, тем более дети.

– Андрей? – окликнул меня зашедший Спенсер.

– Да?

– Идем обедать.

– Иду.

***

– Мы не начинаем обедать, пока все не соберется за столом, – сказал Джон, обращаясь ко мне, – таково правило. Обещал подойти Ллойд, но предупредил, что задержится, и сам попросил его не ждать. Поэтому, – он вскинул вилку с ножом и обвел всех приглашающим взглядом, – желаю всем приятного аппетита!

– Спасибо, – дружно ответили присутствующие и принялись есть.

На обед были стручковая фасоль, малюсенький – с указательный палец – початок вареной кукурузы, ростбиф и упаковка чипсов для каждого. На столе стояли ваза с фруктами, два кувшина – один с чаем, другой с соком, оба со льдом, – корзиночка с хлебом, баночка с джемом, желтая бутылочка с горчицей, майонез, кетчуп, и еще изрядно неопознанных баночек и бутылочек.

Лежащий рядом с тарелкой нож ввел меня в ступор – когда же я им пользовался последний раз? Пришлось подглядеть, как выкручиваются остальные, и только после этого взяться за нож самому. К счастью, я быстро приноровился, ели без хлеба, и этим как раз освободилась одна рука. Вот только не покидала скованность от ощущения, что за моими действиями наблюдают. В подтверждение тому, едва я разделался с ростбифом, Джон спросил:

– Еще мяса?

– Нет, спасибо, – отказался я и посмотрел на Спенсера, тот давно умял добавку, а теперь взял баночку с джемом и толстым слоем намазывал его на тост.

Почему-то у меня совершенно не было аппетита, и свою порцию я осилил с трудом, но рассудив, что если больше ни к чему не прикоснусь – это будет выглядеть невежливо, я попросил:

– Можно и мне кусочек хлеба?

– Можно и мне кусочек хлеба, *пожалуйста*, – поправила Бекка и объяснила, – дети во всем будут брать с нас пример: с того, как мы говорим, с наших манер, с наших поступков, – она протянула корзинку.

– Извиняюсь, – сказал я и попробовал взять ломтик.

– Нет-нет! – взвилась она. – Не руками! Используй щипцы!

Я повиновался, подумал: «Какой же я дикарь», – и, кажется, покраснел.

В кухню ворвался мужчина. Он на ходу сорвал крышку с миски, наполовину заполненной мясом, хапнул один из кусков своими исполинскими пальцами и в два счета разделался с ним. Потом уселся на свободный стул.

– О, привет! – сказал он, только теперь заметив меня. – Так ты Андрей?

– Да, – сказал я, – добрый день.

– Я Ллойд, – представился он.

От отца Ллойд унаследовал строевой рост, но не крепкое телосложение: лицо у него было заплывшее, а сам он чрезмерно упитан.

– Слушай, – сказал Ллойд, обильно поливая томатным соусом следующий шмат мяса.

– Да?

– А в России едят кетчуп?

– Конечно.

– И как же вы его называете?

– Кетчуп, – ответил я.

– Да нет, – он постучал пальцем по бутылке с соусом, – как он называется по-русски?

– Кетчуп, – повторил я.

– Я знаю, что это кетчуп, – начиная отчаиваться, заявил Ллойд, – но как это будет по-русски?

– Кет-чуп, – медленно выговорил я.

– О, – понял Ллойд, – хорошо. Тогда как по-русски «майонез»?

– Майонез.

– Майонез?

– Ну да.

– Ого! – воскликнул он. – Да я говорю по-русски!

Все прыснули смехом.

– Андрей сказал, что он агент КГБ, – выдал меня Робби.

– Теперь ты слишком много знаешь, – сказал я.

Скотт расхохотался.

У ветки дерева за окном зависла в воздухе крохотная птица. С длинным клювом и переливающимся изумрудным оперением, она часто махала игрушечными крыльями, чтобы удержаться на месте. «Неужели колибри? – подумал я. – Да ладно, откуда они здесь?»

Нам не было предоставлено ни минуты свободного времени после того, как обед закончился. Джон сразу собрал нас и с серьезным видом, подбоченившись, выслушал рапорт Спенсера о том, как продвигаются дела с покраской. Потом мы отправились доделывать оставшиеся кресла. Провозились с ними часа полтора, а когда прибирали инструмент в мастерской, подъехал Ллойд.

– Освободились? – спросил он.

– Да, – ответил Спенсер.

– Что ж, придется мне вас разделить, ребята. Без возражений?

– Да нет проблем.

Спенсер пошел один в сторону лагеря мальчиков, захватив с собой молоток с гвоздями. Мы с Робом поехали к одному из загонов, выправлять покосившиеся столбики изгородки.

Пока Робби прохаживался вдоль забора и что-то соображал, я рассматривал страусов. Они были совсем близко и тоже нас изучали. Но без настороженности диких животных, обеспокоенных появлением незваных гостей, ими владело сытое, праздное любопытство. Взрослые особи и несколько птенцов. Выглядели они очень забавно: головы с редким пушком раскачивались на стеблях длинных шей симпатичными глазастыми одуванчиками. Плюшевые птенцы,

облаченные в ярко-желтые жилеты, прогуливались в чаще родительских ног и иногда спотыкались.

– Поосторожнее там, – сказал Робби, – они безобидные только с виду. Если ты им не понравишься – могут и клюнуть.

– Правда?

Я отступил на несколько шагов. Раздался приглушенный стук. Я думал, клюнули Робби, но это он сам принялся забивать первый накренившийся столб. Одуванчики вспомнили о своих животных инстинктах и, толкая друг друга массивными туловищами, бросились враспынную.

Столбики были сделаны из самых обыкновенных брусьев – необструганных, почерневших. Похоже, они покосились, когда сошел снег. Мы выправляли их, подбивая ожерельями из камней, которые были в изобилии разбросаны у дороги. Работа не требовала особых усилий, и через какое-то время голову заполнили мысли о последних днях. Я думал о том, каким невероятным калейдоскопом завертелась жизнь – Москва, Нью-Йорк, Футтаун, машины, на которых я никогда не ездил, дома, в каких никогда не жил, животные, которых никогда не видел. В памяти всплывали слайды улиц, лиц, осадки переживаний, и не верилось, что все это поместилось в два дня. То ли на контрасте с этими сумасшедшими событиями, то ли от накопившейся усталости, часы после обеда показались мне тянущимся невообразимо долго, день клоунылся к вечеру нехотя и медля, как одинокий старик, собирающийся под одеяло.

Наступил ужин. Все снова собрались за столом. К картофельному гарниру давали жареные куриные крылышки. Их все держали руками, обгладывая мясо с косточек. Спенсер с Робби пытались вести себя непринужденно и постоянно что-то шутили, Джон хотел произвести впечатление своего в доску парня и смеялся над их речами, одновременно декламируя собственные, встречаемые таким же дружным, одобряющим смехом. И Бекка была на подхвате. Веселье казалось наигранным, я с напряженным утомлением ждал, когда все это закончится.

После ужина мы убрали со стола – посуду отправили в посудомоечную машину, остатки еды закрыли пищевой пленкой и спрятали в холодильник. Потом я пошел на веранду, ее называли Staff Room, комната отдыха персонала, там были компьютер с выходом в интернет и телефон. Я проверил почту и отправил письмо Интернет оказался неожиданно медленным, даже тормозным. Лина пишет, что очень соскучилась, и ждет не дождется, когда тоже улетит из России.

Не зная, чем заняться дальше, я принялся расхаживать по веранде. На полках стояли книги и разные сувениры: миниатюрные голландские кломпы, расписной бумеранг, глобус Чикаго, английский солдатик-гвардеец, – наверное, их привозили вожатые из других стран. Я поочередно брал сувениры в руки, взвешивал, вертел, подбрасывал, клал на место. Потом зашли Спенсер с Робби и предложили пойти с ними на рыбалку.

В кладовой, заставленной коробками с чипсами, батончиками шоколада, газированной водой в алюминиевых банках и прочими запасами провианта, мы отыскивали снасти и чемоданчик с наживкой, после чего выдвинулись к озеру. Оно находилось на окраине лагеря, отрезок его побережья, проходивший по границе Склона Кэсинга, был частной собственностью Кларков. На противоположной стороне зеленела роща с ностальгической проседью берез. Кроме нас на берегу никого не было. Это показалось мне странным – рядом шумел автомобилями хайвэй, и любой желающий мог без проблем добраться до озера, найти свободное место и закинуть удочку, если бы только хотел.

Мы наладили спиннинги: присоединили катушки к невесомым углепластиковым удилищам (большинство катушек были закрытыми, пластиковыми, яйцевидной формы), продели леску в кольца и прицепили наживку – белых силиконовых рыбок. Их выбрали Спенсер и Роб. Но чего только не было в прихваченном нами чемодане! Россыпь крючков и разноцветных

мушек, поплавки, блесны на любой вкус. Сразу понимаешь, что оснащенности американских удильщиков можно лишь позавидовать, обнаружить при них консервную банку или вырезанное доннышко пластиковой бутылки для червей, скорее всего, невозможно. Даже обычную рогатину заменяет специальное металлическое устройство. Ни о какой босоногой романтике поиска гусиных перьев и ивовых прутьев на берегу не может идти и речи.

Берег был чистый – ни кустов, мешающих забросам, ни зарослей. Да и дно водоема не таило в себе сюрпризов – ничего, что могло стать причиной зацепа: ни мусора, ни коряг, – лови себе в удовольствие. Первую рыбешку выудил Спенсер. Он назвал ее санни-фиш. Рыбка показалась мне интересной, даже экзотической – зеленоватая, круглая, с желтым пузом. Только Спенсер сказал, что здесь это самая распространенная добыча, поймать которую не считается какой бы то ни было удачей, а наша главная цель – некие бассы, и отпустил рыбешку обратно в воду. Но все-таки его успех подстегнул – тоже захотелось кого-нибудь поймать, хоть бы и того же санни, только чтоб побольше, чем у Спенсера.

После того как несколько желтопузых санни были возвращены родной стихии, мне наконец-то попался первый басс. Он достойно сопротивлялся в воде, пытаясь вырваться, а теперь отчаянно трепыхался в моих руках раскрыв пасть – огромную, через которую ее обладателя, казалось, можно запросто вывернуть наизнанку. Бока рыбы отливали светло-зеленой чешуей, по горбатой спине тянулся хищный черный чепрак.

– Широоротый басс, – спокойно сказал Спенсер, – довольно приличный. Можешь отдать Марте, она приготовит из него что-нибудь, только выпотроши для начала.

Я подумал, условие так себе. И выпустил рыбу обратно. Как со своими бассами позже поступили и Спенсер с Робом. Видимо, рыбалка здесь – сугубо развлечение, а не способ добычи пищи. Сходить на водоем и вернуться домой без улова – такое в порядке вещей. Может быть, поэтому крупные экземпляры попадают без особого труда?

Вечером весь первый этаж дома был в нашем распоряжении – Джон, Марта и Бекка поднялись к себе. Мы сидели на диване в гостиной и смотрели телевизор с внушительной диагональю и несчетным количеством каналов. Пролистывать их можно было бы бесконечно, но Спенсер напечатал кнопками пульта слово «бейсбол», и на экране плазменной панели высветился отфильтрованный список всего из нескольких передач. Мы смотрели трансляцию матча национальной лиги. Спенсер отчаянно болел, и мне удалось изрядно пополнить свой запас англоязычных ругательств.

Ребята пили воду со льдом из собственных пластмассовых поильников, которые они спустили из комнаты, хотя кружек в доме хватало на всех. Для изготовления льда в холодильнике был предусмотрено специальное отделение, кубики с приятным перезвоном высыпались из него в стаканы при нажатии кнопки. Сам холодильник был целый шкаф, до отказа забитый снедью. Сок и молоко в нем хранились не в литровых упаковках, а в больших пластиковых канистрах. И карман, размещенный в нише двери, был рассчитан как раз на такую тару.

Когда мы были уже в комнате и готовились ко сну, Спенсер, трамбуя под кровать очередную охапку испачканной одежды, зачем-то бросил в Робби свои носки. Робби только посмеялся. После они устроили конкурс на самую громкую отрыжку, а потом Спенсер начал пускать газы. Ужас.

***

Утром противно завершал будильник. Я проснулся совсем не в духе, окинул комнату непроснувшимся взглядом и невольно подумал: «Боже, что я здесь делаю?» Циферблат часов показывал половину седьмого. Ночь выдалась холодной, к утру я совсем озяб. Без лишних приветствий мы втроем поднялись, оделись, по очереди умылись и спустились вниз.

– Доброе, доброе утро! – проскандировал Джон, увидев нас.

На столе уже ждали кукурузные хлопья, наполненный до верха молочник, жареные яйца с беконом и апельсиновый сок. Мы расселись.

Джон не выглядел сонным, напротив, он был собран и бодр, держался так, словно его всего только что обдали тонизирующим лосьоном. Отточенными, машинными движениями он разрезал яичницу на прямоугольные куски, метко закидывал в рот и пережевывал круговыми движениями. Марты не было – она поехала в Нью-Йорк уладить какие-то дела и заодно забрать в аэропорту Сюзан и Хезер – мне бы так подфартило!

После завтрака, когда все необходимые манипуляции с грязной посудой и остатками пищи были совершены, мистер Кларк бравым тоном вступил:

– Итак, джентльмены, сегодня, ближе к вечеру, придут леди! А значит, с этого дня нам заживется еще веселей! Так как вы думаете, должны ли мы сделать что-нибудь грандиозное перед таким событием?

– Вне всякого сомнения! – по-солдатски четко ответил Спенсер.

– Абсолютно! – счастливо гаркнул Робби.

Джон указал на меня пальцем, прищурился и спросил:

– А ты, парень, хочешь сегодня хорошенько поработать?!

– Не очень, – признался я.

На лице Джона, таком близком и таком уверенном всего секунду назад, проявилось легкое замешательство. К счастью, Спенсер и Робб поняли, что я шучу, и вовремя разразились смехом.

Мы топали к мастерской.

– Не очень! – бурчал Спенсер. – Не очень. Это ж надо было такое ляпнуть!

– Да я же просто пошутил!

– Отчего же Джон не рассмеялся? Слышь, Роб, он пошутил, тебе было весело?

– Не очень, – отозвался Робби.

– Ага, вот именно – не очень!

В мастерской канадец заложил в один из ночевавших здесь рэйнджеров грабли и совковые лопаты. Робби спустился до конюшни и принес оттуда пару глубоких пластмассовых тазов.

– Так ты понял, чем мы будем сегодня заниматься? – спросил меня Спенсер.

– Не совсем.

– Мы будем убирать дерьмо страусов!

– Чего?

– Да-да.

Они называли дерьмо страусов «роо», «doo-doo» и «manure». Ни одно из этих слов по звучанию не могло раскрыть всю неприятную суть предмета, который было призвано означать. Работа действительно предстояла грандиозная, потому что было ее много, а продвигалась она крайне вяло. Двое из нас сгребали помет в кучи, третий загружал его в тазы и увозил. Спенсер и Робби скрашивали нудность процесса как могли – дурачились, пели. То изображали из себя рок-звезд, используя черенки лопат вместо стоек с микрофонами, то кидали друг в друга высохшими дудушками с земли и дико смеялись, если удавалось удачно попасть.

Страусы все время находились неподалеку, поглядывая на нас с интересом, будто по ящику передавали репортаж о нелегких буднях американских гастарбайтеров. Вместе с тем в их глубоко удовлетворенных жизнью глазах мы не находили ни жалости, ни сопереживания. Они спокойно клевали корм, будто попкорн, и одновременно с этим гадко и бессовестно добавляли нам новой работы. С этого дня страусы перестали казаться мне милыми существами.

Из рекламных брошюр турагентства следовало, что я буду в лагере кем-то наподобие универсального ремонтника – немного плотником, немного маляром, немного сантехником.

Именно этим занимались молодые люди со счастливыми физиономиями в рекламных проспектах от Хаттимил. Не было ни одной иллюстрации, где они убирали бы дерьмо животных. Быть может, в контракте был специальный пункт, извещающий об этом: мелкий шрифт или абзац, написанный нарочито тяжелым языком? Не знаю, не видел. В любом случае, даже будь там такой абзац, в эту поездку было вложено столько надежд и усилий, мы так хотели в Америку, что, в конце концов, согласились бы, кажется, на все.

Из моего резюме тоже выходило, будто прежде я неоднократно подвизался вожатым в российских детских лагерях. А я в них не то, что не работал, даже не отдыхал ни разу, исправно коротая каникулы в бабушкиной деревне. Но агентство настояло – так нужно написать, чтобы наверняка поехать в Штаты. Представляю, что они сказали Джону – не упоминайте про дерьмо страусов, так нужно, чтобы наверняка найти рабочих...

Погода в этих местах менялась быстро. И от одного дня к другому, и от утра к вечеру. Накануне было пасмурно, сегодня уже ясно и сухо. Спозаранку было прохладно, с полудня установилась настоящая жара. Палящее солнце ярким, подожженным перекасти-полем, описывало медленную дугу с востока на запад. И мы, уподобляясь священным египетским скарабеем, покорно следовали за ним.

Не считая нескольких загонов, на откуп страусам были отведены по-настоящему обширные территории, где их ничто не стесняло, и они могли чувствовать себя, как на свободе. По соседству привольно устроились обитатели фауны Соединенных Штатов. В кронах деревьев и по земле шныряли белки, воробьи, такие же нахальные, как и во всем другом мире, не стесняясь хозяев, клевали остатки корма из корыт. В одном загоне мы нашли барсучью нору и долго караулили хозяина у крыльца, но, то ли он крепко спал, то ли его не было дома – никто оттуда не вышел. Высоко в небе, иногда отдаляясь, иногда вновь возникая над нами, парил, царственно раскинув крылья, символ Америки – великолепный белоголовый орлан.

Было около четырех вечера, когда мы, наконец управившись, складывали инструмент. К дому Джона подъехал серый фургон. «Сколько же у них машин?» – подумал я, разглядывая серебристый мерседес. С водительского места выбралась Марта, вслед за ней из фургона вышли две девушки.

– Толстуха твоя, – разочарованно сказал Спенсер Робу, глядя в сторону пассажирок.

– Увидим, – ответил тот. – Андрей?

– Да?

– Надеюсь, девушка, которая приедет из России, будет Анной Курниковой?

– Мы все на это надеемся, – раздался бас Ллойда, вошедшего через задние ворота.

Мы, конечно, начали рассматривать девчонок издали, едва заметив. Они же приближались, не обращая на нас внимания, что-то бурно обсуждая между собой, будто до нас им нет никакого дела. И только когда остановились, представились:

– Hi!

– Hi!

– I'm Suzanne!

– I'm Heather!

Позже Ллойд отрядил нас всех в лагерь мальчиков, прибратся вокруг домиков, убрать ветки и прошлогодние листья. Девчонки обе были в футболках, джинсах, кроссовках. Толстуху с рыжими волосами и набрякшими бледными щеками звали Хезер, ту, что стройнее – Сьюзан. У нее были маленькие глаза и выдающийся крупный нос. Едва ли и ее можно было назвать симпатичной, но понимание удачно оттеняющего фона придавало ей, как это бывает у девушек, уверенность, с которой она стояла впереди и поочередно стреляла глазками то в сторону Спенсера, то Робби. Оба сразу начали заигрывать с ней. Особенно Спенсер, похоже, он очень хотел подружку. Самой Сьюзан внимание парней льстило, по крайней мере, она прини-

мала его с веселыми повизгиваниями. Хезер держалась в стороне, только покручивала в руке грабли, играючи подбрасывала их и с размаху опускала на землю, буровя листву.

Когда я загребал очередную охапку листьев, то заметил притаившуюся на плоском булыжнике змею. Джон говорил, что в этих местах водится много змей, но бояться их не стоит: к ядовитым относятся всего два вида... Эта была длиннющая, сигнального мандаринового цвета.

– Осторожно, змея, – сказал я как-то отрешенно.

– Где? – вскрикнула Сьюзан.

И едва не налетела на нее, взмахивая, как птица-секретарь крыльями, руками. От пронзительного крика змея в мгновение стала резкой. Пару раз предупредительно выстрелила языком и, извиваясь всем телом, стремительно уползла в ближайший подлесок.

– Она была огромной! – восхищенно заявила Сьюзан.

– В России мы едим змей, – зачем-то соврал я.

Ребята уставились на меня, явно требуя разъяснений. На родине были популярны передачи, рассказывающие о самых экзотических кухнях мира, может быть, поэтому я и выдал такое. Я сказал:

– Ну да, мы просто бросаем их в костер и достаем, когда они перестают шевелиться, потом снимаем кожу и начинаем есть.

Лица ребят брезгливо сморщились. Но Сьюзан, силясь скрыть проступающее отвращение, выдавила из себя:

– Ни-че-го себе. Круто.

– Да я просто шучу, не едим мы змей! – сознался я, пока они окончательно в это не поверили.

– Что? – взвизгнула Сью. – Да ты поймал нас!

И я сделал мину человека, удовлетворенного своим обманом, но в глубине души недоумевал: как можно поверить, что в России едят змей? Они что о нас совсем ничего не знают?

***

Вот и прошло пять дней. Как пять недель – очень долго тянется время. Прimitивный, однообразный труд. Да еще этот английский со всех сторон, без умолку... Со мной-то почти не общаются. Не думаю, что это минус. Робби и Спенсер все внимание посвящают Сьюзан. Рисуются перед ней, из кожи вон лезут. Хезер – полная, вялая и в очках, давно махнувшая рукой на свою внешность, – была для них разве что мишенью для метания острот. Позавчера с парнями играли в разновидность дворового футбола – один на воротах, а двое соревнуются, кто быстрее заколотит пять мячей. Девчонки стояли и смотрели. Выиграл Роб. И сказал:

– Итак, чемпионат мира по футболу выиграла Шотландия. Страна, которая никогда в нем не участвовала!

– Правда? – спросил Спенсер.

– Да.

– А я знаю, как вам туда пробиться!

– И как же?

– Возьмите в сборную зад Хезер, поставьте на ворота – точно перестанете пропускать!

Сегодня был выходной. Удалось развеяться. Немного. Бекка поехала с девчонками в какой-то город на букву «Б» – «делать шопинг», а нас с парнями Джон отвез в гольф-клуб. Мы взяли напрокат инвентарь и купили по десять мячиков полтора бакса за штуку. А чтоб расслабиться наверняка – еще по пять баночек пива.

И вышли в поле. Его далекие гектары озаряло солнце, день выдался теплый, но сквозь резиновую подошву туфель еще просачивался холод земли. Хотелось разбежаться и прыгнуть, но гольф был кропотливой игрой, тренирующей выдержку и характер. Вонзаешь колышек в землю, скрупулезно устанавливаешь мяч, долго вертишь вокруг оси, добиваясь одному тебе известного положения, потом таинственно киваешь, встаешь. Перебираешь, как арбузы на базаре, несколько клюшек, принимаешь позу, взглядом намечаешь траекторию полета, делаешь замах, бьешь... Дальше ладонь козырьком и только зачарованно следишь, в какое озеро на этот раз приземлятся очередные полтора бакса. Озера было целых два: одно большое, второе поменьше, с совершенно прозрачной водой. В ней плавали красивые карпы. Эх, видел бы их мой дедушка...

Эти ребята даже пиво пьют странно: удар – глоток, удар – глоток. Ничего интересного. Никакой беседы. Хотя у Робби язык развязался, и время от времени он доставал меня дурацкими расспросами:

– Андрей, тебе нравится Хезер?

Я отвечаю:

– Нет.

– Почему? Она же такая милашка!

– Конечно.

– Почему же она тебе не нравится? Мне кажется, ты в ее вкусе.

Завел волынку.

После гольфа и пива захотелось есть. Мы пошли в Макдоналдс. Его вывеска закреплялась на длинном столбе, видимом из любого далека. Даже в крохотном Футтауне был Макдоналдс. У нас, в шестисоттысячном Ижевске, – нет. Мне, в общем-то, все равно, это заведение вызывало интерес лишь потому, что я слышал – здесь можно в одночасье стать миллионером, если официантка прольет на тебя горячий кофе или в гамбургере попадет таракан. Но ничего такого не произошло. Когда поели, было часа четыре. Кларки забирали нас много позднее. Робби и Спенсер предложили пошататься по магазинам, и мы побрели вглубь Футтауна. Городишко был мизерный, с населением не более двух тысяч – и футбольный стадион не наполнить. Я спрашивал у Джона – где работают жители? Он ответил – в основном на каменоломне. Улочки чистые, выметенные, пустые. Все дома – частные. Диковинные, яркие, как с картинки, часто с реющими звездно-полосатыми флагами. Во дворах постриженные газоны, замысловато оформленные кусты, причудливые статуэтки. Обратил внимание, что многие в своих жилищах ведут какое-нибудь дельце – магазинчик там у них или небольшой бар, кто-то просто сдает комнаты. Неужели на все это находятся клиенты? Видимо, да. Был и кинотеатр и боулинг-центр. Чего сравнивать, когда у нас в Ижевске единственный боулинг на всю республику?

Наконец, добрались до магазина. Супермаркет. Полки ломятся от товара. И непродовольственные и продукты. Мерцают пестрые ценники и ярлыки. Я купил жвачку за \$0.99 и сок, точнее сок в кавычках – жидкость голубого цвета за \$1.62, на этикетке так и было написано – Not fruit juice. На самом деле мне нужней были тетрадь и щетка для обуви, но они стоили \$4.5 и \$3.99, я посчитал – они того не стоят. Ребята приобрели какую-то ерунду – очередные поильники, бейсболки с пропеллерами, совершенно ненужные вещи. Тетрадь попробую взять в Staff Room, там лежит несколько, нужно спросить у Бекки. Все мои затраты за день составили где-то тысячу наших рублей. Если учесть, что примерно столько я зарабатываю здесь за день, то, наверное, это нормально. Правда, теперь у меня совсем не осталось налички.

Кроме нас по супермаркету слонялись только дряхлые старушки. С верхом набивали телеги, потом выкатывали их на парковку и перекладывали в багажники матерых – выше человеческого роста – джипов. У нас на таких ездят только чиновники и бандиты. Бабушек из-за руля даже не было видно! И ведь хватает пенсий на такой транспорт. Или... какая пошлость...

После супермаркета отправились на ярмарку, где и должны были встретиться с Кларками. Прошли еще один супермаркет, аптеку. На улице по-прежнему не было никого. Тихо курчавились зеленые деревья, осеняя тротуар шелестящей тенью; проезжали редкие автомобили. Вдруг один из них – очередной внедорожник, черный и блестящий, как начищенный сапог, – тормознул на перекрестке и преградил нам путь. Стекла медленно опустились.

Из салона выглядывали незнакомки.

– Привет, ребята, – заискивающим тоном произнесла сидящая впереди блондинка. Вероятно, самая бойкая.

– Привет, – ответил Спенсер.

– Гуляете?

– Ну, – Спенсер посмотрел по сторонам, – да!

Девушка сняла солнечные очки и выставила руку в окно:

– Такое дело... – протянула она тонким невинным голоском, – мои родители уехали к родственникам, сегодня ночуем с подругами одни, – она жалобно скуксилась, завела руку за голову, оголив гладкую белую подмышку, – боюсь, нам будет очень скучно, – и обиженно надула губки. – Не хотите к нам присоединиться?

– Э-э-э, – Спенсер задумчиво почесал затылок, – нет, боюсь, мы не сможем вам помочь.

– Почему? – удивилась девушка.

– Мы скоро уезжаем из Футтауна.

От разочарования все наигранное медленно сползло с миловидного лица девушки. Теперь там читался лишь один вопрос: что это за придурки? Она спросила:

– А кто вы, собственно, такие?

– Мы туристы, – буднично ответил Спенсер, – путешествуем по Соединенным Штатам.

– И как же вас занесло в Футтаун? – удивилась девушка.

– Нам сказали, что это неплохое место для туризма!

– Вас обманули! – крикнула девушка, дала по газам, и машина, рывкнув глушителем, умчалась.

– Чего они хотели? – спросил я у Спенсера, глядя в сторону мельчающего джипа.

– Хотели... с нами переспать.

– Seriously?

– Абсолютно! – сказал Спенсер, поддев пальцем козырек бейсболки.

Но я так и не понял, шутил он, выдавая желаемое за действительное, или говорил всерьез.

Ярмарка не была каким-то значительным, масштабным событием в жизни Футтауна. Лотков – по пальцам пересчитать. Торговали цветами в горшочках, раскрашенными камнями, вязаной одеждой и всяческими безделушками ручной работы. Очередная возможность для жителей городка сделать бизнес. Покупатели топтались у прилавков, восхищенно ахали, держа в руках очередную поделку, но ажиотажа не было. Точкой семейства Кларков заведовали Марта и Иден. Они продавали перья страусов, веера из перьев страусов, метелочки для смахивания пыли, плюмажи, украшенные плюмажами шляпки. Наиболее тонкая работа – изделия из пустых яиц: кареты, с прорезанными в скорлупе оконцами и дверями. Яйца отправляли в соседний штат, где над ними трудился специальный мастер. Все это продавалось по баснословным ценам. Яйца сами по себе тоже стоили дорого, должно быть по этой причине мы сами их ни разу не ели.

Для привлечения покупателей возле прилавка Кларков был сооружен вольер, где стояли два страуса. Клетка пользовалась успехом среди детей, которых набралось у решетки человек пятнадцать. Страусы озадаченно моргали длинными ресницами. Вдруг один из них позмеиному изогнул шею, потом резко распрямлял, будто проглотил шест, потом по шее пробежал пузырь, будто удав проглотил поросенка, и раздался оглушительный утробный звук, будто

тысяча львов разом проснулась в пещере. Мелюзгу как ветром сдуло. Они с визгом и криками разбежались. Но тут же, еще более замороженные, взбудораженные, снова стянулись к клетке:

– Ты видел? Как он это сделал? Не знаю! Эй, давай еще раз!

На ярмарке не было никаких кассовых аппаратов и чеков. В 18. 00 все стали сворачиваться, приехал Ллойд, и мы тоже засобирались. Страусов везли в высоком крытом прицепе. Засек, что дорога до лагеря действительно занимает пятнадцать минут.

После ужина я сходил на рыбалку. Прямо у берега поймал неплохого басса, потом пошел в Staff Room, отправил письмо Лине. Она скоро выезжает. На душе моей неспокойно.

***

Еще один день прошел. Прополз. Бульдозером. Тяжело и тихо. Хронометром использую жвачку. Вкус пастилки закончился – значит, полтора часа минус, беру следующую, начинаю новый отсчет. Иначе ориентироваться во времени невозможно. По ощущениям прошли минут сорок, глядишь на часы – всего-то три. Время заволакивает, и ты вязнешь-вязнешь... Иногда кажется – ты уже муха в застывшей янтарной капле.

Сегодня был сам не свой. Не мог работать, говорить, есть, только и думал о прилете Лины. Думал, что вот-вот она будет в нескольких часах езды от меня, а я так ее и не увижу, не смогу встретить, обнять, сказать все, что чувствую, и она улетит на долгих три месяца в Северную Каролину. Это было невыносимо. Хотелось вырваться отсюда, найти ее, украсть, сбежать вдвоем и быть свободными. Но просто так из лагеря я и шага сделать не могу, не то, что куда-то поехать. Смешно теперь вспоминать переписку с Беккой. Далеко ли от лагеря до океана? Сколько занимает дорога в Нью-Йорк? Бостон? Сама наивность.

Весь день ходил понурый, не было сил улыбаться. Думаю, Джону это не понравилось. Вдобавок опоздал на ужин. Все ждали одного меня, долго кричали имя, а я лежал на кровати в комнате, разглядывал стены и ничего не слышал.

Интересно, они видят, что что-то пошло не так?

Вечером, когда я сидел за компьютером, Джон зашел на веранду, бесшумными шагами приблизился ко мне и положил на плечо руку:

– Как ты? – спросил он вкрадчиво. – Все в порядке?

– Да, – ответил я, – все в порядке, спасибо.

(Про Лину они ничего не знают).

– Хорошо, – сказал Джон. – Это тяжело, когда все говорят на чужом языке. Но я рад, что ты приехал так рано. Знаешь почему?

– Да, у нас ведь очень много работы...

Джон кхекнул и сощурился:

– И это тоже, конечно... В твоей анкете написано, что одна из твоих целей – выучить английский язык? Здесь ты это получишь! По моему мнению – нет лучшей школы, чем общение с детьми. Ты должен общаться с детьми, когда они приедут. А сейчас – эти дни – это отличный шанс попрактиковаться в английском с ребятами, и я думаю...

И он еще что-то говорил, а я кивал, внимая. Но постепенно его слова отдалились, звучали волнообразно и приглушенно, не нарушая меланхолического течения моих мыслей. Не знаю, сколько раз ему пришлось повторить, прежде чем я понял – он от меня чего-то хочет. Джон спрашивал, довольно резко:

– Так ты уже читал ставманиол?

– Staff money all? – с сомнением выговорил я.

– Да.

– Вы о контракте, верно? Да, я получал копию.

– Нет, – сказал Джон, отстраняясь, скрещивая на груди руки, – ставманиол. Большой документ, содержащие очень важные директивы.

– Директивы?

Я стал судорожно перебирать в голове ворох бумаг, которыми нас завалили в Хаттимиле, но ничего похожего не попадалось.

– Кажется, я не понимаю, о чем идет речь, – признался я.

Джон смотрел насуплено и серьезно.

– Как же ты собираешься работать с детьми, если не читал ставманиола? – спросил он раздраженно.

«Какой, к черту, ставманиол?» – ответно раздражаясь, подумал я. Может быть, он имел в виду один из тех файлов, которые прикрепляла к своим письмам Бекка?

– Послушайте, – обратился я к нему, рассчитывая все прояснить, – все документы, которые нужно было обязательно изучить, я видел. Но того, о котором говорите вы, не помню. Если хотите, вечером я пересмотрю все еще раз.

Джон вздохнул, сказал: «Я принесу его», – и вышел.

Мне было жаль, что я огорчил Джона. Но с другой стороны – неужели он всерьез полагает, что со всей канителью, которой, в конце концов, обросла эта поездка, у меня было время до просматривания каких-то второстепенных документов? В многочасовых попытках выстоять очередь за заграном, в изнурительных ночных дежурствах возле здания ОВИРа, покрытого декабрьским снежком, в заполнении всевозможных форм для поиска работодателя и получения визы, от анкет, доказывающих, что дома меня будут ждать, до справок, что у меня наличествуют все прививки. И все это на фоне непрекращающейся учебы. Представляет ли Джон размах священнодействий, предшествующих приезду сюда? Сомневаюсь. И не думаю, что ему это интересно.

Мы уже были в комнате и собирались ко сну, когда он явился. И притаранил с собой целый талмуд. На главной странице значилось: *Staff Manual /Руководство для персонала/*. По лицу Джона лодочкой плыла тихая улыбка. Он сказал:

– Джентльмены, сегодня обнаружилось, что Андрей не читал *Staff Manual*, – Джон тряхнул увесистой кипой бумаг, и тут же она с хлопком упала на полку рядом с моей кроватью, – я прошу помочь ему, если у него возникнут вопросы.

Выяснилось, что Спенсер и Роб сами этого мануала в глаза не видели. Джон моментально вышел из себя, улыбка-лодочка попала в шторм и перевернулась:

– Как вы будете работать в нашем лагере, если не читали *Staff Manual*? Я очень-очень раздосадован сегодняшним вечером! Надеюсь, к утру каждый из вас прочтет *Staff Manual* и поймет, насколько это важно! – он развернулся и громко закрыл за собой дверь.

– Спасибо тебе, Андрей, шикарное завершение денечка! – поблагодарили Спенсер и Робби.

Мы разделили *Staff Manual* на три части. Теперь лежим, читаем. Я глянул мельком – лабуда какая-то насчет того, что нельзя позволять детям гнобить друг друга, и самим над кем бы то ни было глумиться. Вообще-то хорошо, что Робби и Спенсер это прочтут, они, похоже, не в курсе.

Ничего себе! Здесь, в этом руководстве, за которое мне выговорил Джон, там куча всяких скучных, но, наверное, нужных в лагере правил, а в одном из разделов, на котором я сразу остановился, чтобы сделать запись, черным по белому написано: каждый работник может в любой момент покинуть лагерь! Зарплата в этом случае выдается ему за отработанное время. Cool! Я могу уйти в любой момент! Чуть светильник с полки не смахнул, когда от радости подпрыгнул. Жду ни дождусь, чтобы поделиться этой новостью с Линой. Вообще, я все придумал – скажу

ей, чтобы ждала в Нью-Йорке, а я уеду из лагеря, мы встретимся, а что делать дальше, потом решим. Уже вместе. Нужно ей срочно написать об этом.

Утром позвонил в ижевский Хаттимил, сказал, что хочу уйти из лагеря, что это соответствует их правилам, ответили – это невозможно. Если меня и отпустят, то только обратно в Россию. Еще придется выплатить неустойку – деньги, которые лагерь заплатил за меня агентству. Вас кто-то обижает? С вами плохо обходятся? Что тогда? Ребята, не ищите приключений. Вашу визу аннулируют, вас депортируют. Оно вам надо? Подпортите себе историю, в следующий раз не только в США, вообще никуда не пустят!

А я уже отправил Вере письмо, спросил, сможем ли мы у нее устроиться, если решим с Линой сорваться из своих лагерей.

Теперь жалею, что поднял шумиху. Хаттимил начнет что-нибудь разносить, свяжется с директорами, они насторожатся. Хотя до сих пор моя судьба не особенно интересовала агентство, так что...

Нью-йоркский офис, кстати, не работал потому, что я прилетел слишком рано – в мае. Они же, из экономии, открывались только в июне, подстраиваясь под основной наплыв своих клиентов.

Скоро снова эта работа. Да черт с ней. Только опять эти завтрак, обед и ужин с семьей Кларков и моими коллегами. Почему же они мне не нравятся? Я еще не разобрался. Но они искусственные. Все их счастье, все их улыбки, все их шутки – все ненастоящее. Зачем им это? Наши совместные трапезы для меня настоящая пытка. Но их-то точно не будет через полторы недели. Только как представлю, что приедет еще шестьдесят Спенсеров и Сью – оторопь берет.

Почему же Лина ничего не пишет? Я так по ней соскучился. А вечером, наверняка, опять будет занят компьютер.

27-е мая.

Отправитель: Кравцова Лина

Получатель: Столбов Андрей

Привет, Любимый! Только сейчас добралась до компа. Не могу без тебя.

От лагеря у нас шок. Деревянные хибары, никаких удобств, я на программе «остаться в живых». До сих пор не понимаю, что происходит, просто сон. Много девчонок из России – восемь пока, так что не пропаду, не волнуйся. Когда таскала свою сумку, всю руку оттянула, теперь болит. Никто не помогал даже. Как ты? Мне плохо без тебя, а еще так долго... Напиши скорее! Может, мы как-то созвонимся? Ждут компьютер. Пиши мне скорее. Целую.

27-е мая.

Отправитель: Столбов Андрей

Получатель: Кравцова Лина

Привет, моя радость! У нас тоже для детей и нас деревянные хибары, с двумя душевыми и туалетом, а больше ничего, только нары да полки. Мы пока живем в доме директора – тут, конечно, все удобства.

Что-то странное у меня с настроением, то кажется, все будет нормально, то резко тоска находит...

Здесь у нас невыносимая жара. Работать сложно, но приходится. У вас штат еще жарче, вроде бы даже снега не бывает зимой и океан неподалеку?

Я не знаю, как нам встретится раньше, но знаю – все будет хорошо. Помни об этом. У вас дети уже приехали? Как девчонки? Пиши! Люблю тебя!

29-е мая.

Отправитель: Васильева Лина

Получатель: Столбов Андрей

Милый, ты чего так мало написал? Я хочу тринадцатое августа быстрее, ты просто представить себе не можешь, куда я попала. Тут вообще ничего нет! Здесь все ходят, улыбаются, мне противно. Мне плохо без тебя, не могу привыкнуть, а еще так долго. Напиши побольше! Может, мы созвониться как-то сможем?! Жду письма. Целую. Пока!

***

Мы осваивали очередной завтрак. Сюю что-то тараторила Бекка. Та шмыгала раскрасневшимся носом и комкала одну за другой влажные бумажные салфетки.

– Ох, как же я не люблю болеть, – просипела она, закинула в рот горсть пилюль и запила чаем.

Бекка встала, чтобы убрать таблетки, и ее желтая футболка провозгласила: Lithuania.

– Литва? – удивился я.

– Да, – ответила Бекка.

– В чем дело? – всполошился Роб. – Андрей, ты не любишь литовцев?

– Да нет, – ответил я, – кажется, это они нас не любят.

О литовцах я знал немного. Но по месту рождения мне был известен один эпизод. Советские террористы – отец и сын Бразинскасы – угнали пассажирский самолет Батуми-Сухум. Во время захвата была убита девятнадцатилетняя стюардесса Надежда Курченко, воспитанница ижевского интерната. Ее именем в нашем городе назвали одну из улиц.

Террористов скрутили, когда самолет сел в Анкаре. Но турецкие власти не выдали их Советскому Союзу. За совершенные преступления они отсидели всего два года. После освобождения перебрались в США, получили вид на жительство и обосновались в Калифорнии. Старший Бразинскас дожил до глубоких седин. Издал автобиографическую книгу, его приглашали на телевизионные интервью. Неизвестно, сколько бы еще он протянул, пересчитывая вечера в своем блаженном сенильном полоумии, если бы в один из дней его не уколошил бейсбольной битой собственный подельник-сынок.

– Так вы бывали в Литве? – спросил я Бекку.

– Да, – сказала она, – года два назад. Мы с кузиной путешествовали по Литве, Латвии, даже посетили Россию.

– Вы были в России? – удивился я. За все дни она и словом не обмолвилась об этом! – А где именно?

– В Санкт-Петербурге.

– Вам понравилось?

– Даже не знаю, там было жутко холодно, – поживаясь от воспоминаний, сообщила Бекка.

– Когда же вы ездили?

– В январе.

«В январе, – разочарованно подумал я, – зачем строить планы на Россию именно зимой, если первые ассоциации со страной: снег, Сибирь, морозы?» Впрочем, для человека, запивающего противостудные снадобья чаем со льдом, в этом, наверное, нет ничего алогичного.

Уже больше недели я жил в лагере. В коллектив за это время, мягко говоря, не влился. Мы были слишком разными, к тому же я не владел английским. Приехав лишь с базовым его знанием, я был уверен – этого хватит, чтобы добраться куда следует и не заблудиться. Я и не предполагал, с какими трудностями столкнусь после. Без полноценной речи личность меркнет, растворяется, как краска в уайт-спирите, теряет себя. Тяжело быть взрослым челове-

ком со словарным запасом ребенка. Не выходит из такого ни хорошего слушателя, ни рассказчика – ты не понимаешь, что тебе говорят другие, и собственные мысли доносишь искаженно, сбивчиво, медленно. Постепенно тебя перестают слушать, тебе перестают рассказывать – ты просто остаешься один. Но они не оставляют тебя в покое, теперь ты вроде как чужак – белая ворона. Тебя пытаются зацепить, придрататься к тебе, подколоть.

Прекрасно осознавая, что нужно хорошо клеваться, чтобы не быть заклеванным самому, я и этого делать не мог. Шутить в ответ не получалось. Дать адекватный отпор зубоскальству, совершенно не владея палитрой интонаций, не зная шкалы ругательств, оказалось непосильным – подбирая крепкое словцо, я не улавливал его градус и был как неумелый повар: то недо-саливал бульон, то превращал в мертвое море. Да и как же тут угадаешь? Стоит Спенсеру сказать гадость, и все молчат, будто он ни выдал ничего такого, стоит мне угостить Спенсера одним из его же собственных оборотов, Роб и Сью принимаются неодобрительно гудеть, будто я перегнул палку. Я все острее чувствовал неприязнь с их стороны, поначалу она проскальзывала лишь в мелочах, но со временем приобретала все более отчетливые черты. Между мной и другими поднималась стена, а может быть, разверзалась пропасть. И если пропасть, то иногда мне казалось, что я стою уже на самом краю.

О наших отношениях Кларки ничего не знали – работали мы все вместе, прикидываясь дружной командой, день за днем убирали trash, garbage, litter и rubbish /мусор/. На этот раз наводили чистоту в домиках – подметали полы, протирали пыль. Говорят, совместный труд сближает, в случае со Сью все было с точностью наоборот. Она изводила меня с самого утра. «Подмети здесь, вынеси мусор, передвинь стеллаж!» При этом Сью как будто забывала, что кроме нас двоих в домике находится еще три человека. Я был совсем не против того, чтобы ей помочь, но она не просила о помощи, она указывала мне, что делать. Не знаю, кем она себя возомнила, только я всерьез забеспокоился, что следующий стеллаж передвинется ей на ногу.

Спенсер и Робби явно считали Сьюзан симпатичной. По американским меркам она, наверное, стройна, по нашим – полновата, задница у нее даже чрезмерно полновата. На лицо она ужасна – похожа на кролика. Волосы – бесцветные, лоб усыпан веснушками так, что кажется, будто это сходит кожа, обгоревшая на солнце. Спенсер постоянно с ней заигрывает. Она же проявляет явную симпатию к Робби. Вообще довольно легко сходится с людьми, впрочем, ей это ничего не стоит – дурочкой прикинулась и готово. Меня все время подрывает крикнуть ей – Заткнись! – после ее пороссячьих взвизгиваний:

- Oh, really?
- Are you kitting me?
- Oh! I love this song!

За обедом Сьюзан ест пищу, откусывая от нее кусочки своими кроличьими зубами, и постоянно при этом подергивает носом, я бы даже сказал ноздрями. Как кролик. Хотя кролик – существо, конечно, во всех отношениях куда более приятное, чем Сьюзан. Всегда после еды, продолжая сидеть за столом, она начинает ковыряться в зубах и где-то во рту, причем сует свои пальцы так глубоко, что кажется, она ковыряется в собственной глотке. Попробуй я сотвори такое, вездесущая Бекка сиюминутно извергла бы тираду о том, какой пример мы подаем детям.

Как и все канадо-американские девчонки в ее возрасте, Сьюзан водит машину. Очень любит рассказывать мне, как что-то делать «правильно», любит исправлять мою работу, при этом ничего не говорит Спенсеру и Робби, когда те делают то же, что я. Я обычно отвечаю ей в таких случаях:

– Sure! Thank you for helping me! – продолжая при этом все делать по-своему. Ее это дико раздражает, и она начинает беситься, что доставляет мне огромное удовольствие, при этом она не догоняет, что я держу ее кроличий нос в своих пальцах, Сьюзан искренне считает, что я вообще не понимаю английский.

К счастью, в этот день стеллажу так и не случилось оказаться на ноге Сьюззи, потому что приехал Джон:

– Эй, Андрей, ты нужен мне в другом месте! – выхватил он меня. – Бросай все – поехали со мной!

И вскоре его рэйдджер затрясся на кочках, переправляя нас из пункта В в пункт С, из лагеря мальчиков в лагерь девочек. В кузове лязгали сложенная алюминиевая стремянка, цинковое ведро, перекачивались от борта к борту жестяные баллоны с монтажной пеной. Джон начал издалека:

– Лично я не имею ничего против летучих мышей, они поедают надоедливых насекомых. Но есть одна проблема – эти твари постоянно пролазят в домики! Дети пугаются, кричат, у них портится аппетит... а хуже всего то, что летучие мыши могут переносить бешенство! По законам штата Нью-Йорк я обязан изловить проникшее в дом животное и увезти в другой город на экспертизу. Не слишком-то мне хочется этим заниматься, понимаешь? Так что будет лучше, если мыши останутся летать где-нибудь снаружи.

У первого домика Джон притормозил:

– Вон! – сказал он, указывая пальцем вверх, на дощатое перекрытие под скатом крыши. Там зияли дыры. – Видишь? Вот где они пробираются внутрь!

– Ага, – соглашался я. Тем, что дыр в домиках предостаточно, меня не огорошишь.

Мы начали обход по периметру.

– Вон! Вон! Еще одна! – разоблачал Джон расщелины в прохуdivшихся софитах. – Нужно все залить пеной! Не оставить мышам не единого шанса! – громогласно, решительно наставлял он.

– Хорошо, – соглашался я.

Самые большие дыры были в угловых стыках, меньше – между досками, которые были неплотно или не вровень придвинуты друг к другу, разошлись, и там, где тес частично прогнил.

– Ну и в других домах такая же картина, – сказал Джон, когда мы закончили обход. – Тебе придется здорово потрудиться, Андрей! Ты готов?

– Я готов, – сказал я. Как будто у меня был выбор.

Одобрительная улыбка поддела уголки рта. Мы выгрузили инвентарь, и Джон уехал. Я расправил лестницу, чтобы вскарабкаться к крыше.

Желтая лента пены с фырчаньем заполняла пустоту, разбухая уродливыми бутонами. Спину нещадно напекало солнце, и я сразу взмок, и брюки с футболкой прилипли к телу. Брызги вещества попадали на одежду и руки, содрать их оттуда можно было только вместе с кожей.

На то, чтобы заделать дыры снаружи, ушел примерно час, потом я зашел в домик, чтобы проверить, не пропустил ли чего с этой стороны – наткнулся еще на пару щелей, в которые сквозил свет. Когда были заделаны последние лазейки, я прошел по своим следам, чтобы срезать излишки с раздавленных заплат. Лезвие ножа проходило по ним с отвратительным скрипом, который вызывал мелкую колючую дрожь.

Я собрал опавшие обрезки в ведро и переправился к следующей постройке. Дом был такой же изрешеченный. «Похоже, этого занятия мне хватит надолго», – подумал я, и вдруг меня наполнил необъяснимый восторг. Вскоре я понял: «Да это же будет время, которое я проведу один! Без Спенсера, без Роба, без Сьюзан!» Я совершенно точно осознал, что устаю втрое от этих ребят, от их несмолкающей тарбарщины и насмешек. Я взялся за дело со всем своим прилежанием, стал работать тщательно, никуда не спеша... Я даже подумал, что Джон и перекинул меня сюда, чтобы дать какую-то передышку. Ведь все это время дыры в домах как будто никого не смущали. Я ни разу не наткнулся на следы работы предыдущих латальщиков.

Корячиться на лестнице было совсем нездорово: мышцы сводит, солнце печет, – и лишь внутри домиков можно было, наконец, передохнуть, выпрямить спину, размяться, укрыться от назойливых палящих лучей. На душных чердаках я все надеялся обнаружить что-нибудь любопытное – забытую вещицу или тайное послание, припрятанное для потомков, но ничего не находил, так – пара мелких монет, сломанный карандаш, клочки бумаги, ну и бесхитростные надписи на стропилах. И только в одном домике, взбираясь по расшатанному каркасу кровати, я обнаружил глянцевый уголок, торчащий из-под матраса. Я потянул его и вытащил снимок, повернул, протер... Со снимка смотрел сухопарый дедок в льняной рубахе с закатанными рукавами, а рядом улыбалась бабушка в белом платке, завязанном под подбородком, в ситцевом синем халате, украшенном россыпью мелких цветов. За спинами стариков колосилось поле, голубой лоскут неба тянулся над ним. С обратной стороны фотографии синей пастой, неровным, подслеповатым почерком было написано: «Нашей Оленьке, от бабы и деды». Мысли быстро перенеслись далеко. Туда, где под ногами уже не щетинилась, а податливо колыхалась трава, в ней неутомно стрекотали кузнечики, и в цветках клевера усердно шумели пчелы. Запах поля. Сзади высится хвойный лес, а чуть поодаль, отделившись, бежит вниз полоска молоденьких елей. К осени, когда займутся первые дожди, под этими елочками повыскакивают несмелые рыжики, а сейчас там только и можно найти пару-тройку случайных масляток. Если сбегать по склону, то скоро наткнешься на журчащую быструю речку: вода в ней совсем прозрачная, и в двух шагах бьет холодный родник. Зачерпнешь воду ладонями и маленькими глотками пьешь, зубы ломит, а только остановиться нельзя...

Мираж рассеялся, когда я был уже внизу. Сидел на матрасе, в одной руке сжимал жестяной баллон, в другой держал найденный снимок. Что-то знакомое было в этих людях, в их уставших прищуренных глазах, в неторопливых заботливых буквах на обороте. Кто такая эта Оля, работала она здесь прошлым летом или еще раньше – об этом я ничего не знал. Но было радостно, хоть ненароком, заглянуть в чужую, но такую знакомую жизнь. Я долго не мог решить, как поступить со снимком – отдать его Кларкам, оставить себе, попробовать разузнать, кто такая эта Оля, и отправить ей карточку почтой. В конце концов, я положил снимок на место. Если через год здесь очутится какой-нибудь бедолага, пусть он испытает то же самое, что и я, хоть ненадолго, но перенесется на родную землю.

«А ведь у меня с собой нет ничего из дома», – подумал я. Собираясь в спешке, я отмахивался от внутренних напоминаний – захватить фотографии, музыку, книжки. Нет, не до того будет! – и ничего не взял. Нужно теперь скачать что-нибудь в интернете, попросить у друзей, чтобы скинули фотки на почту.

Вечером я зашел на веранду. Хезер в малиновом балахоне, нервно покусывая ногти, качалась в кресле перед монитором.

– Тебе нужен компьютер? – спросила она.

– Ага.

– Я освобожу скоро.

– Не торопись, я подожду.

Легко быть терпеливым, если вас всего двое, то-то начнется, когда приедут все. Впрочем, для такого случая имеется доходчивая табличка, закрепленная на видном месте: «Не занимайте компьютер и телефон более чем на десять минут».

Я медленно фланировал вдоль стены, надеясь чем-нибудь развеять скуку ожидания. На полке с книгами наваливались друг на друга карманные романчики в мягких переплетах, столпами сдерживали их от падения несколько плотных томов Гарри Поттера. После книг шла полка с компакт-дисками. Альбомы исполнителей поющих на английском языке, разумеется. Я снял единственный диск без слов – сборник классической музыки. Дальше на стене висели общие фотографии Кэсинговского персонала последних лет. Большинство лиц от снимка

к снимку не повторялись, но небольшая группа – неугомонные оптимисты – возвращались по нескольку раз.

– О, Хезер, а вот и ты! – сказал я, заметив канадку на одном из фото.

Она крутанулась в кресле, поправила руками очки и подтвердила, всмотревшись:

– Да, это я. Два года тому назад.

Удивительным было то, что на каждом из снимков среди персонала не попадалось больше одного чернокожего – вожатого или кого-то из поваров. Я хотел полюбопытствовать у Хезер – почему так, но вдруг мойвопрос окажется некорректным?

Хезер встала из-за стола и сказала:

– Вот и все! Теперь он твой.

Я поблагодарил ее и занял освободившееся место. Зашел на почтовый ящик. Страница грузилась мучительно долго. Я вставил в компьютер диск и надел наушники. Дисковод зашумел, заиграла музыка – сюита Баха, сольное исполнение на виолончели. Сперва она звучала где-то далеко, отстраненно, неназойливо, не на что не претендуя. Но постепенно звуки оживали, угадывая себе дорогу, становились все напористей и верней. В этой музыке не было слов, но ей были подвластны все языки. Скоро, я и сам не заметил как, невиданной силы поток захватил меня и поднял ввысь. Я почувствовал себя совсем невесомым. Внизу, подо мной, проплывали просторы знакомых полей, между старых плечистых елей вилась тоненькой змейкой река, полоской шиферных крыш белела маленькая деревушка неподалеку, а за ней, на другой стороне, раскинулся молодой сосняк, – все как на ладони, линии моей жизни...

***

Следующая неделя прошла быстрее предыдущей, вот бы остальные одиннадцать с небольшим пролетели, промчались... После обеда работал с Джоном, мы проверяли пожарную сигнализацию в домиках, он рассказал, какие с ней случаются неполадки. Еще сказал, что одна из главных бед Америки – ее толчки. При этом он не шутил, это действительно их проблема. Засоряются через раз. Я подумал – это посильнее, чем наши дураки и дороги. «Вот почему, – рассказывал Джон, – в женских домиках висят предупреждения, чтобы в унитаз не бросали ничего лишнего, никаких там женских штучек».

Я бы добавил к бедам Америки их выключатели света – короткие пластмассовые штырьки, палец сломаешь, пока опустишь; наши советские были в тысячу раз удобней.

В итоге Джон задержал меня на час, и мы работали дольше, чем все остальные. Спенсер огрызнулся: «Андрей, из-за тебя мы на час позже идем ужинать!» Пришлось послать его подальше.

Вечером Джон подошел ко мне и спросил все ли у меня в порядке. Я сказал: «Да». Он спросил все ли у меня отлично, я сказал: «Да». Джон сказал, что хочет, чтобы я нашел общий язык с детьми, чтобы общался с ними, он хочет, чтобы я провел отличное лето. Он один тут печется обо мне. Говорит – бери пример со Спенсера, посмотри, как он ладит с Кодди. Если б он только знал того Спенсера, которого знаю я. Брать с него пример – все равно что запустить эволюцию в обратную сторону. После разговора с Джоном мне показалось, что мои мысли об уходе – это подлость. Если вдуматься, у меня по-настоящему всего одна проблема – Лины нет рядом, а так все нормально, но из-за того, что Лины нет рядом – все становится нестерпимо плохо.

Позже я случайно услышал, как Джон в разговоре с ребятами упомянул мое имя. Он призывал их больше со мной общаться. Этого еще не хватало!

Ребята тоже устали. У Хезер началась homesickness – тоска по дому. Еще бы, ее здесь никто не любит.

Вообще они все должны работать кем-то типа тренеров по гребле, скалолазанию и т. п., а они сейчас делают мою работу. Девчонки делают мужскую работу, а парни здесь вообще на две недели дольше, чем я. Хотя Спенсер с Робби совсем не стонут – в этом смысле они молодцы.

Сегодня, когда проходили мимо столовой, Робби спросил:

– Интересно, что за бедняги едут работать как kitchen staff на все лето. Сюзан, откуда приезжали ребята работать в столовой в прошлом году?

– О-о-о, со всех уголков планеты! – ответила Сюзан. – Из Словакии, Польши, Украины! Скоро снова утро. Отстой.

***

Вот и заканчивается day-off. Жду звонка Лины. Места себе не нахожу. Может, лучше вообще без звонков и писем? Глупости.

Сегодня был первый раунт. Вместо четырехсот баксов мне заплатили триста пятьдесят. Пересмотрел контракт – оказывается, у нас вычли по двадцать пять баксов за неделю в счет проживания и обедов в доме Кларков. Skinflints.

Ездили в город на букву «Б». То ли Бирмингем, то ли Бирменгтон. Ходили в магазин, я смотрел одежду и фотик. Выбор фотокамер был скудный. Я глянул на той неделе информацию в инете, нашел себе подходящую – с десятикратным увеличением, которое пригодилось бы для фотографирования местной природы, – но в магазине города на букву Б такой не нашлось. И ничего подобного тоже не было. В итоге решил купить что-нибудь простенькое и взял фотик за 100\$, может, после лагеря найду-таки нормальный. А этот оказался действительно дерьмовеньким: маленький, слабенький, пластмассовый пузырек. Я как-то не обратил внимания при покупке, что когда фотоаппарат выключен, линза объектива ничем не защищена. Еще на ценнике было написано, что фотик имеет четырехкратный оптический зум, на деле его вообще не оказалось. Зато теперь я могу посылать Лине фотки! А еще видеоролики – это здорово! Надеюсь, она тоже себе чего-нибудь такое купит. Из одежды смотрел шорты – слишком дорогие, меньше 20\$ не видел. Присматривал себе новый рюкзак, был один за 10\$, но я тут совершенно утратил чувство вкуса и не понял – нормальный он или плохой. В дорогих отделах их продавцы не спрашивают:

– Что-то подсказать?

– Что-то интересует?

Они говорят:

– Hello! How do you do?

– Hi! How are you tonight?

Недоделанные.

Потом сходили на бейсбольный матч – прикольно! Излишне затянуто, но прикольно. Атмосфера мне понравилась. Правил не понял, но понял, что наши победили. Пиво large (не знаю, сколько миллилитров, но точно не больше пятисот) стоило \$4. 75.

После игры был фейерверк. Нормальный, хороший фейерверк. У нас в городе они, конечно, солиднее бывают, но не так долго длятся, да и случаются только по большим праздникам.

Ребята все не наштутятся. По трибунам ходила девушка и предлагала гамбургеры.

– Эй, Андрей, возьми по одному нам со Спенсером, – сказал Робби, будто я не догадываюсь, что они ни за даром.

– Ты заплатишь? – я спросил.

– Да-да! Оу! О! Нет! – он опомнился. – Эй, Спенсер, да он все понимает, когда ему надо! Что-то Лина все не звонит. Когда же мы, наконец, поговорим...

***

Она позвонила. Вчера. Она там совсем раскисла...

Сказала, что русских там не любят. Смотрят, как на челядь. Одна американская девчонка пожаловалась другой, что ей плохо в лагере, а та в ответ спросила:

– Тебе что здесь также плохо, как русским?

Еще Лина сказала, что у них двести человек staff, против наших шестидесяти. Не представляю, какой это огромный лагерь. У них компания из четырех девчонок – она, Вика, одна девчонка из Тольятти и одна из Украины. Сказала, что душевые у них не в домиках, а отдельно. Мне очень ее жалко. Не знаю, что будет дальше...

Сказала, что они с девчонками точно убегут. Расплакалась. Я пытался успокоить ее, но она плакала еще долго.

***

В комнате стояла жуткая вонь. Кого-то из этих двоих приспичило посреди сна, и он засорил толчок. Из сортира, вооруженный вантузом, выглянул Спенсер:

– Андрей, что ты наделал?

– Можешь не пытаться свалить вину на меня, – ответил я, – твои ночные крихтения слышал весь дом.

Я поднялся с постели и открыл фрамугу. Свежий воздух ударил в лицо. Ночи по-прежнему были холодными, и с самого утра мы еще заставляли прохладу, даже легкий морозец, пощипывающий за уши, но верховодил он совсем недолго, почти сразу с нашим появлением на улице солнце начинало безжалостно печь.

Мы собрались в мастерской и, как обычно, ждали от Ллойда разнарядки. Он заправлял мотокосу. Огромный, взъерошенный, стоял, склонившись, и держал канистру, прислонив ее горлышко к воронке, вставленной в бачок мотокосы. Пары топлива загадочно курились в воздухе, извиваясь радужным переливом.

Коса была длинная металлическая штанга с тяжелым двигателем, укрепленным на одном конце, и режущей вертушкой на другом. Ближе к середине штанги располагались две крепкие рукояти.

– Заливаете до отметки максимум, – сосредоточенно проговорил Ллойд, – а потом постоянно следите за уровнем – чтобы бензин не закончился.

Ллойд завинтил крышку, поднял косу и ловко, будто она не тяжелее обыкновенной лыжной палки, перевернул режущей частью вверх:

– Если леска станет короткой, – он развел пальцы в пядь, – меняйте. Новая лежит там.

Мы перевели глаза в угол, увидели составленные катушки с зеленой проволокой и хором кивнули:

– О'кей.

Вскоре весь инструмент был подготовлен, Ллойд обозначил фронт предстоящих работ, и мы втроем выдвинулись: Спенсер, Робби и я. Везде, где траву можно было состричь обычной колесной косилкой, накануне проехался Джон. Это занятие явно приходилось ему по душе – он восседал на своем агрегате с таким беспечным видом, что мне впервые показалось, будто он отдыхает, хотя он, конечно же, работал. Теперь островки и полосы высокой травы, оставленные у деревьев, столбов, вдоль стен, заборов и просто бугристой поверхности, везде, куда не смог добраться Джон, должны были подровнять мы. От рачительного гудения движков закладывало уши. В воздухе мешались ароматы свежескошенной травы и выхлопных газов. Толстая

нейлоновая леска срубала как масляные стебли и листья растений. Иногда она с резким звуком ударялась о ветки кустарников, доски, или большие камни, иногда неумело вгрызалась в землю, оставляя в газоне уродливые темнеющие залысины. Из-под защитного кожуха вылетали опилки зелени, щепки, гравий, песок. Они облепляли ноги, могли выстрелить в туловище или в лицо. Вот почему мы трудились поодаль друг от друга, на нас были защитные очки, плотные брюки вместо легких шорт и футболки с длинными рукавами. Упреваешь в такой амуниции за считанные минуты. По лицу скатывались капли пота, но ноги обдавала прохлада срезанной сочной травы. Мне нравилась мощь мотора, его надсадный рык и ощущение силы, которое он давал.

Послезавтра приедут новенькие, наконец-то что-то изменится. Должна была приехать девчонка из России, но в последний момент что-то сорвалось, и ее заменит русский парень. Лина собирается бежать из своего лагеря, и я последую за ней. Четкого плана – куда, когда – пока нет. На форумах пишут, что соваться в небольшие городки на побережье бессмысленно – там все занято. Советуют рвать в ближайший крупный город – в Нью-Йорк, где всегда найдется какая-нибудь работенка. Нужно доехать до Брайтона, купить газету объявлений – они выходят на русском – и искать жилье и работу.

Но что, если ничего не подвернется? Как быть тогда? Мы будем тратить деньги, ничего не зарабатывая взамен, а если станет совсем туго – придется возвращаться домой, возвращаться ни с чем. Но как же долги родителей? Кредиты, в которые мы вогнали их своей затеей? Разве можем мы их так подставить? Пожалуй, только эти мысли и сдерживают от того, чтобы не бросить все прямо сейчас. Нужно как-то удержаться, заработать хоть что-то, чтобы было время для обустройства на воле, если мы все-таки туда выберемся. Выберемся на волю... Странная история, никогда еще я не чувствовал себя таким подневольным, как здесь – в Америке, в стране свободы.

После обеда нас разделили на команды. Я оказался в паре со Сьюзан – лучше не придумаешь. Мы ездили по лагерю и забирали выставленные Спенсером, Робом и Хезер бачки с мусором, чтобы опорожнить их в огромные металлические контейнеры, находящиеся за столовой. Я уже немного водил рэйнджер, но за баранкой постоянно оказывалась Сью. Ее и не посещала мысль о том, что может быть по-другому. В мастерской, ни о чем не спрашивая, я сел на водительское место. Она обошла кабину и забралась на соседнее сиденье, не проронив ни слова, но нахохлилась и замесила такую мину, будто только что лимон проглотила.

Вход в мастерскую возвышался над уровнем земли, выезжать приходилось задом, по отброшенным назад большим воротам, сбитым из дюймовых досок, объединенных высокими поперечинами. Ох, не стоило занимать руль именно здесь! Начинаящий водитель в нестандартной ситуации – это всегда шоу. На одной из поперечин рэйнджер неловко запнулся, задняя ось подскочила, и два высоченных бака, заполненные с верхом, перевалились через борт. Мириады мусора разлетелись по деревянному настилу.

Рядом проезжал Ллойд. Он вообще был весельчак, но тут с ним случился чуть ли не приступ. Я посмотрел на Сью – наш бедный злобный кролик рдел от бешенства. Просто смешно. Конечно, она справилась бы лучше, но как же я научусь, если не буду пробовать? Мы собрали все и поехали дальше.

У контейнеров нас караулил Джон. Он с умным видом инспектировал, правильно ли мы сортируем отходы: отдельно металл, отдельно бумага и дерево, отдельно все остальное. Увидев нас, он опять позвал меня с собой – пособить ему с подготовкой жилищ к въезду первых жителей.

Я раскручивал вентили на подходящих к домикам трубах. Потом заходил внутрь, включал воду, проверял, есть ли течь, и по необходимости менял прокладки. Одновременно Джон в котельных зажигал газ, и мы пропускали горячую воду. Когда у очередного домика я разгре-

бал пожухшую листву в поисках запорного крана, раздался сильный хлопок, а потом громкое и короткое: «Oh, fuck!», за которым последовал сильный грохот. Я подумал, Джон опрокинул там что-то тяжелое. Когда вбежал внутрь, увидел – в небольшой котельной все хранило покой, только пол у стены, где стояла швабра, слегка потемнел, а мистер Кларк распластался на полу с опаленными бородой и бровями. Вид у него был напуганный и отрешенный, но постепенно он начал приходить в себя. Поднявшись (я не подал руку, подумал – ему это не понравится), он взял из угла швабру, быстрым движением протянул мне и крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.